

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Назаренко Геннадий Васильевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Курск, Россия
E-mail: nazarenkogen@gmail.com

В данной публикации предметом исследования являются теоретические проблемы и явления, препятствующие нормальному информационному обеспечению правоприменительной политики. В связи с этим в статье дан правовой анализ информационного обеспечения соответствующей политики. В качестве цели исследования выступает поиск путей преодоления некачественной правовой информации, функционирующей в публичной сфере и негативно отражающейся на проводимой правоприменительной политике. В методологическую основу исследования включены диалектический, исторический, сравнительно-правовой методы и законодательно-текстологическая интерпретация ряда публикаций. Основные результаты и выводы: в результате проведённого исследования сделан вывод, что информационное обеспечение правоприменительной политики представляет собой целенаправленную правовую деятельность, которая включает теоретический и прикладной аспекты. При этом важнейшую роль в информационном обеспечении выполняют носители правовой информации, которые создают и распространяют сведения, имеющие политико-правовое значение.

Ключевые слова: правоприменительная политика, правовое обеспечение политики, носители правовой информации, постмодернистские построения.

INFORMATION SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT POLICY

Gennady V. Nazarenko
Doctor of Law Sciences, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
Southwest State University
Kursk, Russia
E-mail: nazarenkogen@gmail.com

In this publication, the subject of research is theoretical problems and phenomena that hinder the normal information support of law enforcement policy. In this regard, the article provides a legal analysis of the information support of the relevant policy. The aim of the study is to find ways to overcome low-quality legal information functioning in the public sphere and negatively affecting the law enforcement policy. The methodological basis of the research includes the dialectical, historical, comparative legal methods and the legislative and textual interpretation of a number of publications. Main results and conclusions: as a result of the conducted research, it was concluded that the information support of law enforcement policy is a purposeful legal activity that includes theoretical and applied aspects. At the same time, the most important role in information support is played by legal information providers who create and disseminate information of political and legal significance.

Keywords: law enforcement policy, legal provision of policy, legal information carriers, post-modern structures.

Введение

Об актуальности темы научной публикации свидетельствует ряд факторов: во-первых, предметом информационного обеспечения правоприменительной политики являются закономерности возникновения и функционирования правовой информации в политическом пространстве; во-вторых, сторонники постмодернизма активно пользуются рецептами своих западных наставников, что позволяет размывать устоявшиеся правовые понятия, а также манипулировать ложными понятиями. Целью исследования является определение путей преодоления некачественной правовой информации, функционирующей в публичной сфере, которая негативно отражается на проводимой правоприменительной политике. Задачами настоящего исследования являются: показ качества правовой информации, циркулирующей в юридической сфере, в том числе на примере теоретических изысканий специалистов по проблемам общей теории права и представителей постмодерна в отраслевых юридических науках. Методологической основой исследования являются диалектический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования, которые дали возможность рассмотреть информационное обеспечение правоприменительной политики в развитии и взаимосвязи с другими социальными явлениями, а законодательно-текстологическая интерпретация публикаций по теме исследования позволила выявить методологическую порочность постмодернизма в правовой сфере. О научной новизне исследования свидетельствуют следующие выводные положения: 1) информационные искажения, создаваемые сторонниками постмодернизма в общей теории права и отраслевых науках, не способствуют осуществлению эффективной правоприменительной политики; 2) постмодернистский подход к действующему законодательству Российской Федерации и правоприменительной политике исключает объективность, так как главным проявлением постмодернизма является релятивизм и критическое отношение к социальной реальности, в том числе в правовой сфере.

Результаты и обсуждение

Концепт «информационное обеспечение» прочно вошёл в научный и практический оборот и широко используется при рассмотрении проблем управления в целом и управления в органах юстиции. Вместе с тем в трудах правоведов проблемы информационного обеспечения правоприменительной политики разработаны недостаточно. Более того, нередко используемая информация имеет некачественный, частично искажённый характер. В этой связи представляется необходимым восполнить имеющийся теоретический пробел.

В юридической литературе информационное обеспечение правоприменительной политики понимается как целенаправленная деятельность по собиранию, анализу, систематизации, хранению, распространению правовой информации и созданию условий для её оптимального использования при разработке политических директив, принятии законов и других нормативных актов, а также в правоприменительной деятельности [2, с. 177].

Приведённая дефиниция в основном характеризует прикладную, то есть практическую сторону информационного обеспечения правоприменительной политики. Но есть и другая сторона информационного обеспечения политики, которая включает в себя научный, теоретический аспект. Соответственно, под информационным обеспечением политики следует понимать доктрину, предметом которой являются закономерности возникновения и функционирования правовой информации в политическом пространстве. Поскольку такая доктрина в настоящее время не создана, на повестку дня следует вынести задачи её разработки специалистами различных отраслей права.

Важнейшую составную часть информационного обеспечения правовой политики составляют специалисты, владеющие правовой информацией, производящие и воспроизводящие правовые знания в письменной и устной форме. В качестве таких лиц, прежде всего, выступает профессорско-преподавательский состав юридических вузов, факультетов и сотрудники научных учреждений, которые являются носителями, создателями и распространителями

правовой информации, пригодной для использования в правоприменительной и законодательной деятельности в рамках проводимой правоприменительной политики.

Рассмотрим качество правовой информации, циркулирующей в юридической сфере на примере теоретических изысканий специалистов по проблемам теории государства и права, и попытаемся определить, насколько эта информация способствует информационному обеспечению правоприменительной политики государства, которое согласно статье 1 Конституции Российской Федерации представляет собой демократическое федеративное государство с республиканской формой правления.

Профессор О. Э. Лейст, соавтор широко известного труда по проблемам теории государства и права, рассматривая общество, право и государство, отмечает, что в случае победы тоталитаризма в стране (имеется в виду отечественное государство. – *Н. Г.*) восстанавливаются многие черты, свойственные сословно-кастовому строю, что проявляется в установлении привилегий должностных лиц, развитии властно-собственнических отношений, в дотошной правовой регламентации частной жизни и подмене принципа законности всеобщей законопокорностью. При этом указанный автор солидаризируется с мнением М. Восленского, согласно которому в наше время наблюдается «прорыв феодального прошлого», эдакий «промышленный феодализм» [3, с. 596-598; 7, с. 58]. Справедливости ради отметим, что О. Э. Лейст делает оговорку: отождествление тоталитаризма и феодализма, которое проводит его предшественник, уместно лишь как публицистическая метафора. Но при этом он последовательно рассматривает классово-сословное деление общества как кастово-сословное и необоснованно ставит в один ряд касты, варны и социальные страты, при этом отождествляя привилегированные сословия с кастами [7, с. 36].

Судя по всему, отечественные теоретики полагают, что сословное и кастовое общество – суть родственные явления феодализма. Между тем общеизвестно, что индоведы, то есть специалисты по общественному устройству Индии, признают наличие каст, но отрицают историческое существование феодализма в этой стране. Так что обобщать сословия и касты, а тем более ставить их в один ряд со стратами, которые не имеют никакого отношения к феодализму, неуместно.

Точку зрения О. Э. Лейста без оговорок поддерживает девиантолог Я. И. Гишинский. Он пишет о сползании России в феодализм как о тенденции политической деградации, а в качестве примера феодальных порядков приводит привлечение к уголовной ответственности участниц «Pussy Riot», которые осуждены к лишению свободы за хулиганство в храме Христа Спасителя. Указанный автор считает, что суд вынес неправомерный приговор, так как в действиях осуждённых якобы отсутствует состав хулиганства, предусмотренный ст. 213 УК РФ [8; 11, с. 123]. Я. И. Гишинский использует термин «феодализм» как оценочное понятие, символизирующее в его представлении негативные явления, которые имели место в средневековье и якобы продолжают существовать в наше время.

Возникает вопрос – какое качество информационного обеспечения правоприменительной политики способна обеспечить информация, противоречащая Конституции Российской Федерации и Уголовному кодексу РФ, охраняющие существующие общественные отношения от посягательств, к тому же растиражированная тысячами экземпляров и многократно воспроизведённая на лекциях, семинарах и в квалификационных работах.

Исследование автора данной статьи показывает, что идея о существовании феодализма в современной России оказалась настолько вирусной, что её сторонники в вузовской среде убеждены: феодализм в России – неоспоримый факт. Свою позицию эти лица аргументируют тем, что наличие феодализма подтверждает формирование сословий, имеющих разные права и обязанности, закреплённые законодательно. При этом они упускают из виду, что права и обязанности сословий в феодальном обществе передавались по наследству, а в демократическом обществе не существует каких-либо сословных границ, закреплённых пожизненно действующим законодательством. Важнейшей особенностью современного российского общества является социальная мобильность, которая даёт возможность индивиду перемещаться с одной социальной позиции на другую по горизонтали либо по вертикали. Признаки реального феодализма эта группа учёных игнорирует и безапелляционно использует

упрощённую модель стратификации, которая включает в себя деление общества на элиту (т.н. «включенные») и социальную массу («исключенные») [4, с. 91]. Однако современные стратификационные модели намного сложнее и вариативнее. С юридической точки зрения можно построить несколько стратификационных моделей, основой которых являются правовые статусы, ранги, льготы, специальные звания и так далее.

На мой взгляд, одна часть сторонников концепции неофеодализма лукавит в политических целях, несколько не задумываясь о том, что не способствует созданию реальных представлений о содержании общественных отношений в современной России и тем самым препятствует нормальному информационному обеспечению правоприменительной политики. Другая часть сторонников этой концепции пребывает в состоянии неведения, так как не может отличить оппозиционные лозунги и публицистические выпады в адрес действующей власти, как и метафорическое употребление термина «феодализм» применительно к общественному устройству Российской Федерации от научных концепций. В данном случае научная концепция, в которой имеется концептуальное ядро и периферические положения, свидетельствующие о наличии развитой теории, отсутствует.

Парадоксальным образом представления о существовании феодализма в современной России в высказываниях учёных-юристов сочетаются с утверждениями о том, что в Российской Федерации вступило в свои права общество постмодерна. И. Л. Честнов, например, пишет, что постмодернизм представляет собой релятивистский взгляд на мир и выступает как рефлексия, отрицающая незыблемые истины, взамен которой предлагается новое видение социальной реальности. Он точно отмечает, что критицизм постмодерна распространяется на представления о праве в привычном правопонимании [9, с. 4-16].

Проповедники постмодернизма активно пользуются рецептами своих западных наставников: размывают общепринятые правовые концепции, устоявшиеся научные понятия и категории, игнорируют предписания действующего законодательства, вносят неопределённость, относительность и многозначность в правовую информацию, фрагментируют целостное знание о государстве, праве и правовой политике, оперируют симулякрами, наподобие промышленного феодализма, а также манипулируют микронарративами и ложными понятиями. Неслучайно один из теоретиков постмодернизма П. Андерсон отмечает шизофреническую раздвоенность постмодерна как свойственную ему особенность [1, с. 7]. В постмодернистских построениях причудливо сочетается несочетаемое: феодализм и постмодернизм, норма и не норма, дозволенное и недозволенное.

Постмодернистский подход к действующему законодательству Российской Федерации и правоприменительной политике исключает объективность, так как главным проявлением постмодернизма является релятивизм и критическое отношение к социальной реальности, в том числе в правовой сфере. Я. И. Гишинский, последовательный сторонник осуществления правоприменительной политики на постмодернистской основе, пишет, что ему хотелось бы последовать призыву немецкого профессора Х. Йешека об отмене уголовного законодательства как несовместимого с правами и свободой человека [5, с. 22]. В этой связи отечественный автор предлагает декриминализовать многие преступления против конституционных прав и свобод (глава 19 УК) и большинство преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности (глава 22 УК), и таким же образом поступить с преступлениями против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23 УК), а заодно объявляет бессмысленными и надуманными составы преступлений, предусматривающие ответственность за экстремистскую деятельность, так как эти составы отсутствуют в зарубежных криминальных кодексах [5, с. 20]. Однако такого рода предложения не поддерживаются специалистами по уголовному праву и криминологии, признающими общественную опасность указанных видов преступлений [6, 21-25; 10, с. 42-49].

Сказанное означает, что правовое сознание лиц, призванных участвовать в информационном обеспечении правоприменительной политики, подверглось значительной деформации, и в настоящее время процесс информационного обеспечения правоприменительной политики поддерживается на должном уровне в основном за счёт правоприменительной практики. Можно ожидать, что в бли-

жайшие годы уровень информационного обеспечения существенно снизится, а вместе с ним правовое регулирование общественных отношений приобретёт более проблемный характер. Постмодернистский подход к правоприменительной политике деструктивен и не нуждается в нормальном информационном обеспечении, ибо понятие нормы сторонники постмодернизма релятивируют, а правовую информацию субъективируют либо отрицают за ненадобностью

Заключение и выводы

В данной публикации представлены следующие результаты и выводы: 1) предметом информационного обеспечения правоприменительной политики являются закономерности возникновения и функционирования правовой информации в политическом пространстве; 2) концепция неофеодализма, введенная в научный оборот идеологами постмодернизма, не способствует созданию реальных представлений о содержании общественных отношений в современной России и тем самым препятствует нормальному информационному обеспечению правоприменительной политики; 3) сторонники осуществления правоприменительной политики на постмодернистской основе призывают к отмене уголовного законодательства как несовместимого с правами и свободой человека, предлагают декриминализовать многие преступления против конституционных прав и свобод, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, необоснованно объявляют бессмысленными и надуманными составы преступлений, предусматривающие ответственность за экстремистскую деятельность. О практической значимости научной публикации свидетельствует необходимость проведения дальнейших исследований в сфере информационного обеспечения правоприменительной политики, поскольку постмодернистский подход к правоприменительной политике деструктивен, ибо главным проявлением постмодернизма является релятивизм и критическое отношение к социальной реальности, в том числе в правовой сфере.

Литература

1. Андерсон, П. Истоки постмодернизма / П. Андерсон. – Москва : Территория будущего, 2011. – 208 с. – Текст : непосредственный.
2. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики : монография / С. С. Босхолов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2004. – 301 с. – Текст : непосредственный.
3. Восленский, М. С. Номенклатура / М. С. Восленский. – Москва : МР «Октябрь», 1991. – 624 с. – Текст : непосредственный.
4. Горлач, М. Ю. Правонарушители в обществе «исключённых». – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6 (121). – С. 90–93.
5. Гишинский, Я. И. Уголовная политика и общие вопросы уголовного права / Я. И. Гишинский. – Текст : непосредственный // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – Москва : Проспект, 2017. – С. 19–22.
6. Кужиков, В. Н. Уголовная политика по противодействию преступлениям в сфере экономической деятельности / В. Н. Кужиков, Р. Л. Габдрахманов, М. В. Денисенко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 1. – С. 21–25.
7. Лейст, О. Э. Общество, право и государство / О.Э. Лейст. – Текст : непосредственный // Проблемы теории государства и права : учебное пособие. – Москва : Проспект, 1999. – С. 30–62.
8. Творчество как позитивная девиантность : монография / И. Я. Гишинский [и др.]. – Санкт-Петербург : Алеф Пресс, 2015. – 279 с. – Текст : непосредственный.
9. Честнов, И. К. Правопонимание в эпоху постмодерна / И. К. Честнов. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2002. – № 2 (241). – С. 4–16.
10. Фёдоров, А. В. Российская уголовно-правовая политика и правовое содержание уголовного закона / А. В. Фёдоров. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 42–49.
11. Хуторянин, Е. Миражи высшего образования / Е. Хуторянин. – Орёл, 2018. – 128 с. – Текст : непосредственный.